

В новогодние приметы верится почему-то всегда охотнее, чем в будничные: «Сбудется – не сбудется». Особую пикантность нашим ожиданиям придает високосный год. Почему, например, в СССР все пошло наперекосяк в 1985 году? Приметы високосного года подвели. Все началось 30 декабря 1984 года на тридцать третьем причале во Владивос-токе в бухте Золотой Рог.

На крейсере «Севастополь» сыграли аврал. Корабль должен был перейти к месту своего постоянного базирования бухту Абрек, поселок Тихоокеанский (в урезанном виде «Техас») в пятидесяти километрах от Владивостока по морю и 100 км по суше.

Матросам и не женатым офицерам было все равно, где встречать новый год, чего не скажешь об офицерах, обремененных семьями. Хотя неженатикам проще было запасть в каком-нибудь из многочисленных кафе-ресторанах Владивостока и возвратиться потом на корабль, стоящий у стенки в центре города, чем искать приключения в двух вечерних кафе Техаса с непременным праздничным мордобитием, алюминиевыми вилками-ложками и бесконечным исполнением на «бис» песни года «В краю магнолий».

К тому же, родной корабль находился в шести километрах от поселка. И добраться туда можно было только пешком по звенящей от мороза дороге через сказочный приморский лес. Но даже подобное сомнительное удовольствие «светило» не многим холостякам.

Командование было уверено, новый год – семейный праздник. И всегда можно было правильно определить, возле каких женщин и, главное, где отдыхают празднично убранные организмы защитников Отечества. От холостяков же одни проблемы. Этих «браконьеров» укладывали спать иног-

да в комендатуре, либо где попало и кто попало. Случись война и где тогда искать командиров, безоружных, но грозных?

Поэтому одиноко прозябающие офицеры заступали, в основном на дежурство и вахту. Что называется, овцы целы и волки при деле.

Все равно техасцы ждали ракетный крейсер «Севастополь». Его еще ласково называли «плавучая тюрьма народов», из-за по-особенному суровой службы. Видимо поэтому офицеры-севастопольцы отвязывались сильнее, чем остальные. Они гуляли, как в последний день.

Поэтому «Севастополь» споро отвалил от 33-его причала и взял курс на пролив Босфор Восточный. Собачий холод, колючий ветер и низкие угрюмые тучи изрядно портили предпраздничное настроение, которое испортилось еще больше, когда корабль вошел в пролив. Было от чего пригорюниться экипажу крейсера. Весь Босфор Восточный был скован крепким ледяным панцирем. Лишь возле самого берега была неширокая полоса чистой воды, по которой сновали туда - сюда гражданские нарушители правил прохода узкостей. Согласно им, (правилам), ходить пристало только по рекомендованным курсам, в данном случае... по льду. Командир ракетного крейсера «Севастополь» (ставший командиром по несчастливой для экипажа случайности), наряду с полным отсутствием командных качеств, изъяснялся, словно с кашей во рту. Ему приходилось повторять каждую команду по два-три раза, что очень раздражало командирское самолюбие. Легче было угадывать, о чем думает хозяин ходового мостика, чем то, о чем он говорит. Командир Боевой части № 1 (штурман) в периоды душевного подъема, чем для него всегда были выходы в море, начинал сильно заикаться. Два главных корабельных морехода встретили забитый льдом пролив совсем не по-новому! «За муд.....сю му Сю.... Люс бу Сю ду» (что примерно равно «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»). Мореход рангом ниже откликнулся попроще: «Н-н-н-н-не

х-х-х-х... сс-сс-с-ебе!» Затем последовала команда: «С-о-р-С-в-ся-бр тум» («Стоп, машины!») Короткое совещание на ходовом мостике свелось к давнему, российскому: «Что делать?». Либо нарушать правила и идти вдоль берега, как гражданский разгильдяйский люд, либо по правилам - через льды. Ради соблюдения флотской традиции сначала спросили самого младшего по званию офицера – вахтенного офицера. Тот выразил готовность идти туда, где все люди ходят. К совещанию привлекли исполняющего обязанности помощника командира, командира минно-торпедной боевой части («румына»). Свое звание «румыны» минеры-торпедисты получили за тусклый налет какой-то особенной минно-торпедной бестолковости и еще за броненосец «Князь Потемкин-Таврический». После бунта на корабле в 1905 году, когда пришло время драпать, первыми, кто крикнул: «Айда в Румынию!», были матросы БЧ-3. Так они и превратились навсегда в «румынов». История мстит не только забвением. И.О. помощника высказал свое судьбоносное предложение: «Корабль крепкий, на среднем ходу проломим лед. Куда он денется». Последующие события доказали правоту «румына»: лед никуда не делся. Бодрое совещание свелось к одному простому решению: «Идти напролом!». «Севастополь» набрал скорость и вклинился со всего размаха в ледовое поле. Ощущение было такое, что крейсер врезался в горный массив. Сразу заглохли турбины. Мало того, в кают-компании смело со стола посуду (к счастью, как видно). Корабль стал частью неподвижного ледяного ландшафта шарового цвета. 30 декабря в 13 часов с минутами мы на время превратились в остров предлинной эротической дискуссии: «...твою мать! Какого.... он туда полез!?!», - неслось из кают. Подвинуть пять квадратных километров льда у крейсера не получилось. «Севас-тополь» стоял во льду, как шаровый упрек рекомендованному кем-то курсу. Смеркалось. Просьбы вытащить нас из льда оперативный дежурный бригады парировал обескураживающим ответом: «Буксиры будут только завтра после обеда». Над мачтами «ледокола» нависла реальная угроза встретить Новый год на переходе из пролива Босфор Восточный обратно в Золотой рог к 33-ему причалу. И тогда архитекторы ледового плена начали вызывать по радиации все проходящие мимо буксиры. Заманить их можно было только спиртом. В эфир полетели обещания, типа: «Меняем свободу на три килограмма витаминов» («Витамины» означали спирт. – Авт.) «Жидкий доллар» сделал свое дело. Два буксира свернули со своих курсов и устремились к «Бугелю 047» (это был наш позывной в открытом эфире). Один из буксиров как-то подозрительно резво приближался к корме «бугеля».

Удар пришелся в левую скулу кормы. Леера (ограждение) на юте задрались вверх, как новогодний салют. Видимо, только после этого капитан буксира заметил препятствие. Крейсер ответил на «салют» дружным залпом ненормативной лексики. Буксир дал задний ход и отошел от препятствия. А затем снова устремился к левой кормовой скуле. Второй удар пришелся в тоже место, что и первый. После чего на корабле все заорали: «Стой!» Даже штурман перестал заикаться. Капитан буксира оказался сильно навеселе. Он выдал себя, когда вступил в контакт с командиром кормовой швартовой группы. Все-таки нам удалось завести швартовый конец на крейсер. Затем подоспел второй буксир. К счастью, капитан того буксира оказался трезв. Мастер таранного удара удивительно твердым голосом требовал довериться ему «...и главное не с...ь в компот». Он повторял волшебные слова так часто, словно зомбировав тех, кто стоит над лагуном (большой кастрюлей) с компотом и готов сделать обратное.

Наша предновогодняя буксировка продолжалась четыре часа. Ближе к ужину крейсер

привязался к стенке. С кормы спустили трап и капитан буксира нетвердою походкой отправился получать свои «витамины». Три литра шила произвели на него магическое впечатление. Он отхлебнул из трехлитровой банки, затем шумно втянул морозный воздух ноздрями и со словами: «Шило – это вещь» начал спускаться по трапу вниз, на причал. В какой-то момент страстный любитель «шила» потерял равновесие. Он едва удержался на ногах, но спасти банку не удалось. В его глазах несколько раз промелькнула и застыла вселенная скорбь. Так полководцы проигрывают сражения, так антилопа Гну смотрит на мир, попадая в пасть крокодила. Так гаснут звезды и реки текут вспять. Капитан буксира вновь поднялся на борт крейсера. Вахтенный офицер доложил дежурному по кораблю о случившемся. Тот командиру. Командир не поверил и вышел лично убедиться в трагедии. Осколки стеклянной тары красноречиво валялись на трапе, а запах этиловых паров приятно щекотал ноздри у застывших рядом свидетелей беды. «Л-у-ра сшно д-ум пе-ре-мы-льс гу-р-сос» («Ладно, х... с ним! Выдайте ему еще шило - Новый год ведь»), - изрек командир.

Двадцать восемь лет прошло с тех пор. Приметы високосного года нечто большее, чем просто приметы.

Крейсер, оказавшийся в глупом предновогоднем плену, разбитая трехлитровая банка технического спирта и бестолковое «румынское» «Куда он денется?!».

Приметы же 2012-го високосного года более красноречивы. За последнюю неделю на Камчатке два самолета совершили аварийную посадку и весь декабрь извергается вулкан Плоский Толбачик. Пусть извергается. «Куда он денется?!».

Видать к перестройке.

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ.